

Глава 2. Человечество перед угрозой гибели: модернизационные перспективы

Важнейшей функцией традиции являлось обеспечение самосохранения человечества. В детрадиционализованном обществе модернистского типа данный регуляционный механизм оказался разрушенным. Лишившись исторически выработанных механизмов выживания, общество избрало в качестве ориентиров такие пути развития, которые вели его непосредственно к гибели. Это явилось своеобразным парадоксом эпохи модерна. Прогрессивность не означала жизнестойкости. Напротив, поддавшись на приманку быстрого материального результата, человек оказывался во многих отношениях в смертельной ловушке.

Внедрение системы долгосрочного прогнозирования и планирования не стало ожидаемой панацеей. При всей возможной долгосрочности отсутствовало финалистское видение истории. Идея осознанного исторического финала присутствовала в большей степени в религии и в меньшей — в идеологии. Секуляризация и деидеологизация упразднили эсхатологическую ориентированность человека, существенно сужая его исторические горизонты. Отчего же может погибнуть современный человек? Какие из актуализирующихся в современности факторов способны привести к гибели человеческую цивилизацию?

Духовная энтропия: врата зла

В древности под эсхатологической гибелью человечества понимался, прежде всего, ее духовный, а не биологический аспект. Выродившись духовно, человечество, как следствие, умрет и физически — предрекали пророки в каждой из религиозных традиций. Приоритетная эсхатологическая установка заключалась в спасении души.

Традиционалистскому императиву «спасайте свои души!» современная цивилизация противопоставляет другую максимуму — сбережение тела. Но сбереженное тело лишь продлевает (незначительно — в божественном измерении) свое существование, не решая проблемы бессмертия, тогда как спасенная душа обретает вечность.

Еще в XVII в., реагируя на начало секулярно-модернизационных процессов в российском обществе, староверами было провозглашено, что в духовном плане пришествие Антихриста уже состоялось. Действительно, модернизация, решая задачу высвобождения человека из пут традиций, разрушала и закрепленные религиозными нормативами традиционные добродетели⁷.

Может ли быть модернизировано «слово Божье»? Оказывается, может. Демонстрацией такой возможности явился христианский модернизм. Слово «христианский» обнаружило, впрочем, в скором времени свою необязательность. Следуя по пути модернизации, Божественное содержание религии все более выхолащивалось, замещаясь человеческим истолкованием. Такие истолкования могли индивидуально варьироваться. Будучи сведенной к индивидуальному опыту, религия, как феномен коллективного сознания, упразднилась⁸.

Первоначально на смену ей пришла религиозная философия. Однако, не имея в своей основе традиционалистски закрепленного ядра, философия в скором времени вышла за рамки религии. Далее секуляризм распространился уже на сферу массового сознания. Субъективизм этической макси-

---

⁷ *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовное движение XVII века. М., 1995; *Исупов К.Г.* Русский антихрист: сбывающаяся антиутопия // Антихрист (из истории отечественной духовности). М., 1995; *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе со второй половины XVII и до конца XVIII вв. / ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3–4; *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. М., 1996.

⁸ *Рафаил о. (Карелин)* // <www.karelin-r.ru/pravoslavie/112/1.html — 22k>.

мы привел к нивелировке различий добра и зла. Составлявшие прежде основу ценностно-мировоззренческой шкалы координат, данные категории релятивизируются на уровне индивидуальных представлений. И если добродетели еще продолжают номинироваться в качестве модернистской дидактики, то категория зла оказывается совершенно не определенной.

Даже современное христианство каким-то удивительным образом обходит всю сюжетную линию о дьяволе, Антихристе, Армагеддоне и Страшном Суде. Рушится сама система ценностных координат. Плюс и минус становятся неразличимы. Добро и зло, в прежнем своем традиционалистском понимании, меняются местами и комбинируются друг с другом. Модерн создал в области морали некий этический гибрид. Но смешанное со злом добро утрачивает свою изначальную природу (рис. 2)⁹.

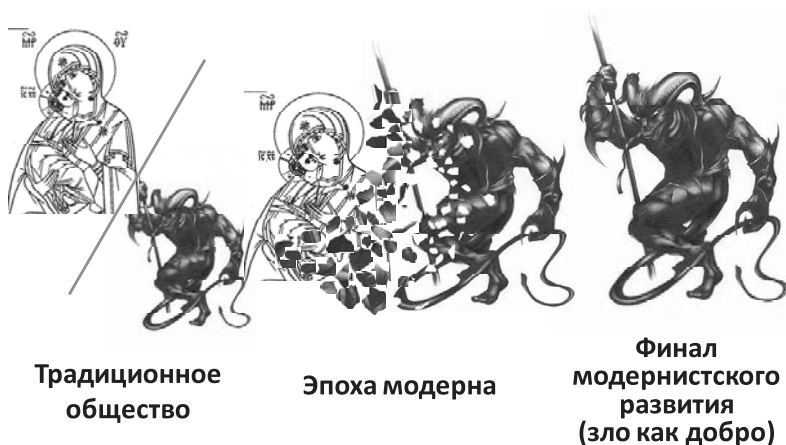

Рис. 2. Координаты добра и зла в исторической эволюции

Что есть зло для современного секулярного общества? Прелюбодеяние, содомия, мошенничество, корыстолюбие,

⁹ Грачева Т. Мифы патриотов. Б.г., б.м.

праздность, эгоизм — все эти пороки открыто и акцентированно популяризируются современными средствами массовой информации¹⁰. Вопрос об их греховности индивидуально относителен. А об inferнальной подоплеке — вообще речь не идет. Что же до Мирowego Зла, то сама проблема такого рода в сознании секулярного общества отсутствует. Сама ее постановка облачается в формы гротеска, эпатажа, психо-социальных девиаций, фобий и маний¹¹.

Постмодернизм обнаруживает все признаки описанной в откровении Иоанна Богослова антихристовой инверсии. Под маркером добра осуществляется проект планетарной универсализации зла. Сформировалась возведенная на данной платформе новая система глобального мироустройства, вызывающая устойчивые ассоциации с предрекаемым царством Антихриста.

Риски однополярной конфигурации

Угрозу для существования человечества таит в себе однополярная геополитическая конфигурация современного мира. В условиях глобализации привязка к одному центру силы чревата высокими рисками. При кризисе этого центра будет поражена вся планета. Именно модернизм, провозгласив борьбу с традициями, нанес удар по цивилизационному многообразию мира.

Если традиционализм базировался на парадигме вариативности, то модернизм — на универсальности. Модернистская универсализация, вместе с тем, означала на практике не цивилизационный полилогический синтез, а мировую экспансию одной из цивилизаций (рис. 3).

---

¹⁰ Стеффон Дж. Сатанизм и новое язычество. М., 1997.

¹¹ Воробьевский Ю.Ю. Путь в Апокалипсис: Точка Омега. М., 1999; Воробьевский Ю.Ю. Путь к Апокалипсису: стук в золотые врата. М., 1998.

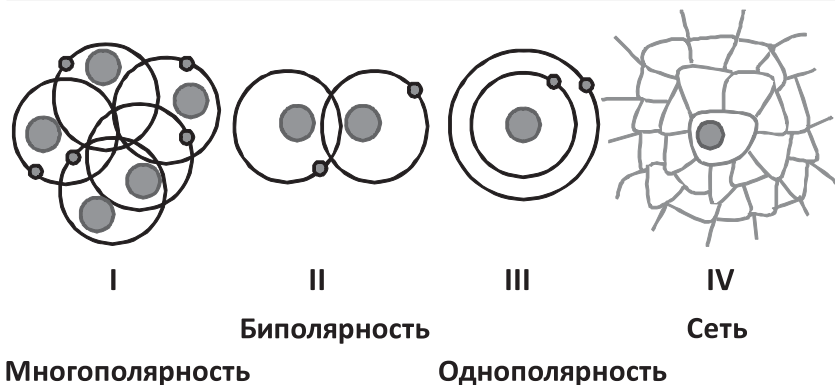

Рис. 3. Геополитическая конфигурация мира

Многополярность первоначально была заменена биполярностью. «Двумя дорогами к одному обрыву» — так определил И.Р. Шафаревич сложившуюся в XX в. псевдоальтернативу капитализма и социализма¹². В действительности, под видом противостояния двух систем происходила экстраполяция модернистской парадигмы в сообщества традиционного типа, получившие сущностно унифицирующий их ярлык «третьего мира». Одним из последних примеров биполярного прикрытия экспорта модернизма явилась война в Афганистане¹³. С 1991 г. мир стал однополярным.

Однако это еще не финал геополитических модификаций модерна. Однополярность предполагает, как минимум, наличие полюса. Следовательно, существует субъекты центро-периферийных отношений. Реализована модель С. Хантингтона, дифференцирующая «сверхцивилизацию» полюса и цивилизации периферии¹⁴. Последующая унификация должна привести к десубъективизации периферийного поля. Мо-

¹² Шафаревич И.Р. Русофобия. Две дороги к одному обрыву. М., 1991.

¹³ Афганский геополитический узел и тайные механизмы войны // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 2000. Кн. 6.

¹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

дель полярностей будет заменена моделью сети. А сеть — это, как известно, признак Танатоса.

Несмотря на мировую гегемонию США, их устойчивость в долгосрочной перспективе развития вызывает большие сомнения¹⁵. Еще никогда после 1929 г. положение страны не было столь угрожающим как теперь, на вершине ее кратополитического могущества. Предрекаемый долларовой коллапс — не единственная смертельная угроза, актуализирующаяся применительно к США в третьем тысячелетии. Американское общество раздираемо противоречиями. Концепт единой гражданской нации — «американцы» — обнаружил свою несостоятельность. Метафора «американского плавильного котла» была заменена метафорой «культурной салатницы»¹⁶.

Во многом виртуализированную природу имеет и американская экономика. В структуре финансовой массы США только 10–15% денежных знаков и ценных бумаг имеют производительный характер, тогда как остальное — это фиктивный капитал, не обеспеченный реальными ценностями. Такая экономика основывается не более чем на иллюзии ее могущества. Любое потрясение, продуцирующее рост скепсиса в отношении к США, может иметь для ее экономической системы роковые последствия¹⁷.

Вместе с Америкой рухнет в тартарары и привязанный к ней, как к центру современного мироустройства, и остальной мир. Последствия будут тем более катастрофичны, чем выше интегрированность национальной экономики в глобализационные процессы. Что станет, к примеру, с Россией, если завтра в Соединенных Штатах Америки произойдет системный крах? Нет сомнения, что и Российская Федерация не в последнюю очередь будет захвачена в воронку глобальной турбулентности. Парадокс заключается в том, что даже

---

¹⁵ Кеннеди П. Возвышение и упадок великих держав. М., 1998.

¹⁶ Шабает Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. М., 2005.

¹⁷ Багдасарян В.Э. Закат Америки // Наш современник. 2008. № 1.

используемая рядом государств идеологическая парадигма антиамериканизма, в случае реализации заложенных в ней целевых установок, объективно противоречит их собственным интересам. Обвал США будет иметь характер планетарной катастрофы, исключающей возможность локального спасения.

Редукция деиерхизации

Развитие, согласно с гегелевским пониманием, представляет собой путь от низшего к высшему, от простого — к сложному. Модерн установил прямо противоположные ориентиры — к низшему и к простому. «Цветущая сложность», о которой писали Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, соотносилась с эпохой архаического традиционализма. Цветение обеспечивалось именно сложностью организации. Она, в свою очередь, определялась многообразием форм общественной жизни. Модернизация, напротив, осуществлялась в формате организационной редукции¹⁸.

Системное упрощение соотносилось с трендом профанизации мира. Парадигма модернистского профанизма была имманентно связана с феноменом массового общества. Сложность, как признак элитаризма, по самой своей природе антиномична массовости. Модернизм продуцировал универсальные модели, в силу чего подавляя присущее традиционализму многообразие. В организационном отношении модернизация выражалась через процесс инволюций. Система, при которой простое побеждает сложное, а худшее торжествует над лучшим, может быть диагностирована, по меньшей мере, как антижизненная.

Традиционалистская система была в сущности своей гетерогенной, интегрирующей многообразие форм. Исто-

¹⁸ К. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем, в 12 томах. М., 2007.

рическим примером такого рода интегративной империи выступала дореволюционная Россия. Модернизм пошел по пути гомогенизации. Интеграция сменилась фрагментацией. Классовая борьба, провозглашенная К. Марксом в качестве «локомотива истории», отражала фрагментационный тренд модернизма¹⁹. Развитие в данном направлении должно завершиться состоянием дисперсии. Псевдоинтеграция мира будет осуществлена при таком сценарии на принципах стандартизированного единообразия. Стоит ли говорить, что дисперсизация человечества означает утрату им базовых солидаризационных оснований общественной жизни (рис. 4)²⁰.

Рис. 4. Парадигмы интегративности

Традиционалистским организационным принципом являлась иерархия (рис. 5). Иерархизм распространялся на все сферы общественной жизни. Идея иерархии связывалась с религиозным миропониманием. Организационная вертикаль выстраивалась от Бога к людям. Геометрически модель организации традиционного общества могла быть выражена правильной пирамидой. Сообразно с философией неоплатониз-

¹⁹ Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. М., 1978.

²⁰ Грачева Т. Мифы патриотов. Б.г., б.м.

ма, она структурировалась сверху вниз по четырем уровням эманации — духа, души, разума и плоти. Те, в свою очередь, соотносились с варновым делением древнеарийского общества — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Модернизационная инверсия модельно выражаясь перевернутой пирамидальной системой. Плоть в системе ценностных приоритетов заняла то место, которое прежде отводилось духу. Случайно ли, что в средние века перевернутая пирамида представляла собой геометрическое обозначение Люцифера?!²¹

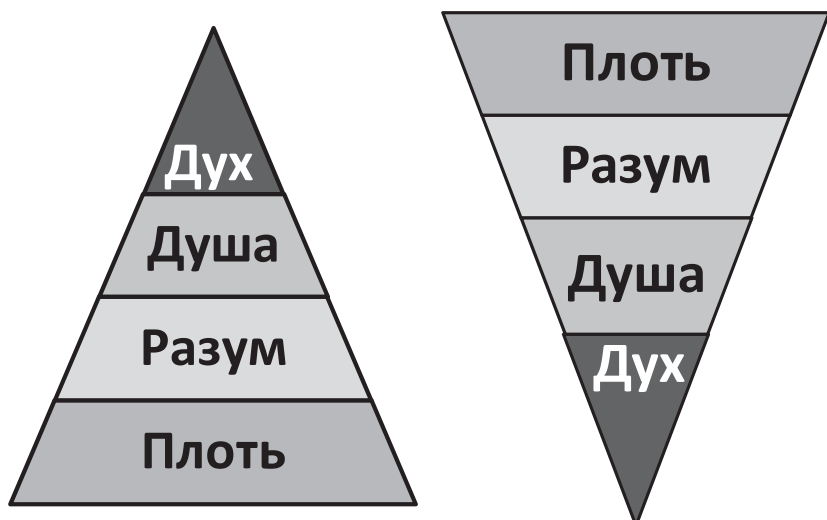

Рис. 5. Модели ценностных иерархий

С переходом к Новому времени иерархия стала постепенно замещаться плюархией. Властное единоцентрие в управлении обществом нивелировалось. Теория разделения властей отражала плюархическую трансформацию. Разде-

²¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993; Кудрявцев К.Д. Что такое Теософия и Теософическое Общество. СПб, 1914.

ленная власть не могла быть по своей природе божественной. Нарушался сам принцип нисхождения откровения. Модерн выдвинул новую этиологическую модель властвования, продуцируемую не сверху, от Бога, а снизу — от народа.

Теория общественного договора явилась одним из наиболее популярных модернистских концептов объяснения феномена государственности. Но ведь «Глас народа — Христа распял!». Сакрализационный ракурс отношения к власти сменился ракурсом вульгарно-профанизационным²².

Следуя модернизационной логике антииерархизма, плюрархия должна быть со временем заменена сетевым устройством. Все симптомы построения глобальной организационной сети уже налицо. От теократии (власти Бога) осуществилась, таким образом, историческая инволюция к танатократии (власти смерти — рис. 6)²³.

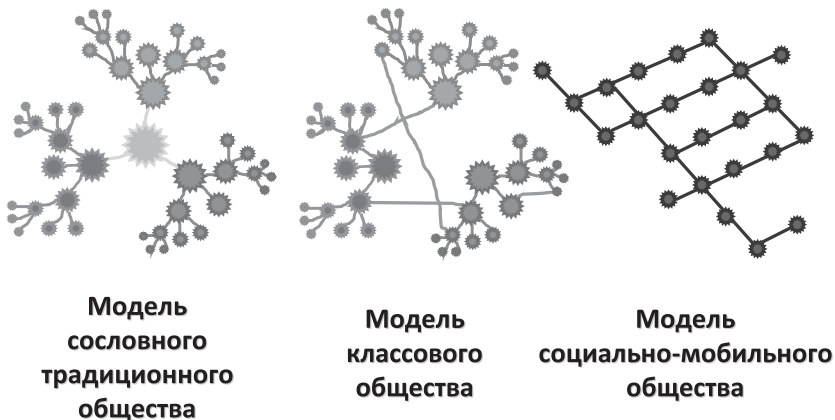

Рис. 6. Эволюция моделей организационного устройства

²² Багдасарян В.Э. Генезис секулярного познания: ценностно-мировоззренческая парадигма секуляризма // Материалы научного семинара. Вып. № 6. М., 2007.

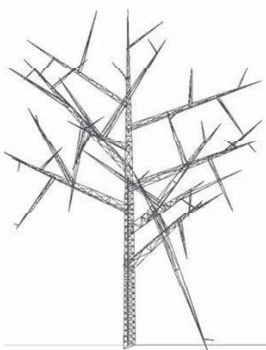
²³ Грачева Т. Мифы патриотов. Б.г., б.м. С. 306.

Деструкция народной жизни

Традиционное общество выстраивалось в качестве живой организменной системы (рис. 7). Характеру его функционирования соответствовала метафора дерева. Основной социальной категорией являлся народ, рассматриваемый как цельный, субъективно нерасчлняемый историко-культурный феномен. Завет предков был при такой системе не менее значимым фактором принятия решений, чем устремления живущих. Корни дерева — народа эксплицировались в качестве предков, плоды — потомков.

**Метафора
традиционализма**

**Метафора
эпохи модерна**

**Метафора
финала
модернизационного
развития**

Рис. 7. Деструкция народной жизни — исторический тренд

Модернизм выдвигал механистическую модель мироустройства. Метафорой модерна являлся некий сконструированный человеком механизм. К разряду живых систем он уже не относился. Структурообразующей категорией модерна являлось общество (в последнее время часто с прилагательным конструктом — «гражданское»). В отличие от народа, оно не было цельным, механически структурируясь либо

вокруг индивидуума (либеральная демократия), либо их совокупности (эгалитарная демократия). Лишившись живой жизненной основы — закреплённой традицией преемственности, и двигаясь далее в направлении деструктурирования, современный механизм распадается до уровня пребывающих в броуновском состоянии элементарных частиц. Что это — как не логика смерти?²⁴

Деструкция личности: идентификационная атомизация

Традиционное общество базировалось на принципах группового солидаризма. Именно солидаризация позволяла человеку состояться как биологическому виду. При прочих равных условиях солидаризированные социумы неизменно брали верх над индивидуализированными. Солидаризм соотносился с достаточно широкой групповой самоидентификацией. Базовым идентификационным определителем являлась цивилизационная идентичность. По матрешечному принципу в нее включались идентичности более узкого группового содержания (рис. 8).

Традиционалистская идентификационная матрешка была разрушена с началом эпохи модерна. Новые модернистские идентичности формируются на узкой гомогенной основе. Цивилизационный идентификатор утрачивает свое прежнее значение. На первый план, коррелируя с процессом формирования национальных государств, выдвигается парадигма этноидентичностей. Высвобождая личность из оков традиции, модернизм объективно предопределял тренд индивидуализации общества. Индивидуальные свободы явились своеобразным брендом эпохи модерна. Модернистский индивидуализм противостоял традиционалистскому солидаризму.

---

²⁴ Дугин А.Г. Экономика против экономики // Консервативная революция. М., 1994. С. 171–181.

**Цивилизационная
традиционалистская
идентификация**

**Узкая
модернистская
идентификация**

Деидентификация

Рис. 8. Исторические парадигмы идентификации

Индивидуализация предполагала дальнейшее сужение идентификационных самоопределителей. В конечном итоге, идентичность окончательно утрачивает какие бы то ни было групповые формы. Идентификация человека оказывается индивидуально атомизированной.

Но лишившись социального аспекта, личностной саморепрезентации, сама личность исчезает. Индивидуализм, доведенный до своего предела, приводит к утрате индивидуальности²⁵. Реализуется предрекаемое в откровении Иоанна Богослова сведение сущности человека к его персональной кодировке, индивидуальному штрих-коду.

Еще А. Камю усматривал наличие прямой связи между индивидуализмом и суицидальной рефлексией²⁶. Активно

²⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990.

²⁶ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.

эксплуатирующий идею расщепления постмодернизм деформирует саму личность. Угроза гибели «Я» есть один из главных смертельных вызовов, вставших перед лицом современного человечества.

Не обладая собственным созидательным потенциалом, либерализм эксплуатировал теоретические постулаты коллективистских учений — национализма, социализма и демократии. В рамках либеральной идеологии выдвигались соответственно требования самоопределения наций (национализм), общества (социализм), народа (демократия) и только затем — индивидуума. Развод с национализмом происходит в период борьбы с гитлеровской Германией, когда обнаруживается, что национальное подавляет личностное. Расхождение с социализмом выпадает на время холодной войны, ибо очевидным становится примат общества над личностью в советской системе. Наконец, в настоящее время проявляются тенденции разрыва либерализма с демократией. Путь самоосвобождения человека таким образом себя уже исчерпал. Индивид освободился от всех групповых ограничителей своей индивидуальности. Следующим этапом развития свободы может стать только освобождение человека от самого себя. Личностное саморазрушение уже характеризуется в качестве одной из определяющих черт постмодернистской эпохи. Дальше только смерть.

О бессодержательности категории свободы рассуждал еще В.В. Розанов: «Свобода есть просто пустота, простор.

— Двор *пуст*, въезжай кто угодно. Он не занят, *свободен*.

— Эта квартира *пустует*, она *свободна*.

— Эта женщина *свободна*. У нее нет мужа, и можешь ухаживать.

— Этот человек *свободен*. Он без должности.

Ряд отрицательных определений, и «свобода» их все объединяет.

— Я *свободен*, не занят.

От «свободы» все бегут: работник — к занятости, человек — к *должности*, женщина — к *мужу*. Всякий — к *чему-нибудь*. Все лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру»²⁷.

Идеологическая универсализация: эсхатологический контекст

Идейную парадигму традиционного общества составляла религия. Через призму религиозной традиции решались как вопросы высшего мировоззренческого порядка, так и бытовой регламентации.

Модернизм выдвигает взамен религиям систему идеологий. Трансцендентные и ценностные составляющие в них существенно выхолащивались. Однако в неявном виде национальные идеологемы еще связывались с цивилизационными традициями народов. Сам факт идеологической неоднородности соотносился множественностью путей мирового развития (рис. 9)²⁸. Однако идеология со временем была дезавуирована как признак тоталитарности.

Рис. 9. Инверсия идейных парадигм

²⁷ Розанов В.В. Опавшие листья: Короб второй. СПб., 2001. С. 150.

²⁸ Грачева Т. Мифы патриотов. Б.г., б.м.

В действительности, под ширмой деидеологизации происходит внедрение универсальной идеологии нового мирового порядка. В качестве непререкаемого универсалия позиционируются «права человека». При этом права народов на собственное миропонимание в расчет не берутся. Наличие универсальной идеологии планетарного масштаба позволяет вести речь о сбывшихся пророчествах Апокалипсиса. Противоположность ее духу традиционных религий дает основания рассматривать современные глобализационные процессы в рамках теории апостасии и пророчеств о глобальном антихристовом царстве²⁹.

Сказав А, надо произнести и Б. Если большинство современных российских граждан, включая лидеров государства, идентифицируют себя в качестве православных, то ими должны разделяться и базовые положения христианского вероучения, к каковым относится, в частности, апокалипсическая профетика о приходе Антихриста. Соответственно, с парадигмой антихристовых времен должно быть соотнесено и современное мироустройство. Проводящие такое сравнение были поражены точностью совпадающих признаков. Однако для большинства современных христиан христианское вероучение имеет избирательный характер. Эсхатология вытеснена из него как нечто несерьезное. Может ли оно именоваться после этого христианством — большой вопрос.

Фантомная экономика

Экономика традиционного общества не обеспечивала массового материального благополучия. Человек, сообразно с божьим заветом, был обречен на то, чтобы в «поте лица добывать хлеб свой». Но, вместе с тем, не зависящее от вне-

---

²⁹ Багдасарян В.Э. Генезис секулярного познания: ценностно-мировоззренческая парадигма секуляризма // Материалы научного семинара. Вып. № 6. М., 2007.

шней конъюнктуры национальное хозяйствование обладало достаточной степенью устойчивости. Торговые взаимоотношения с миром не переходили порога, за которым начиналась бы зависимость от него. Нерелефлексивным образом усугублялся цивилизационный оптимизм автаркичности.

В противоположность условной традиционалистской автаркии, модернизмом формулировалась парадигма международного разделения труда. Начался процесс экономической специализации народов. Производительность трудовой деятельности при этом, безусловно, возросла, но национальная безопасность существенно уменьшилась. Едва ли не любое государство могло быть теперь обрушено без применения военной силы, а лишь посредством использования экономических механизмов.

Ввиду всеобщей интегрированности в систему глобальной международной экономики любое более менее значительное потрясение могло обернуться в новых условиях мировым крахом. Сценарным предупреждением человечеству — демонстрацией возможных последствий такого обвала — стал кризис 1929 г. Только в США, после фиаско Нью-Йоркской фондовой биржи, за короткое время было закрыто 100 тыс. предприятий. Потрясений удалось тогда избежать только экономике СССР, имевшей сравнительно высокий индекс самодостаточности³⁰.

Человечество не одумалось. Современная мировая экономика значительно менее устойчива, чем это было в конце 1920-х гг. С принятием в 1978 г. кингстонской модели не

---

³⁰ *Воцанова Г.П., Годзина Г.С.* История экономики. М., 2002; *История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг.* / Под ред. А.Н. Марковой. М., 1995; *История мировой экономики* / Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 2004; *Крединс Н.Е.* Уроки истории (экономический кризис в 30-х годах в США) // *Финансовый менеджмент*, 2001, № 3; *Остапенко В.* Великая депрессия в США и современный российский кризис: причины и пути преодоления // *Проблемы теории и практики управления*, 1998, № 1.

опирающихся на золотое обеспечение валют, мир вступил в стадию экономического постмодерна.

Все большей популярностью в современном общественном дискурсе пользуется окрашенная в апокалиптические тона профетика мирового экономического краха. Примеры, когда цивилизации исчезали с разной степенью быстроты угасания под действием экономических причин, действительно, хорошо известны в истории. Классическим примером в этом отношении может служить утрата хозяйственного динамизма экономикой Римской империи (многие исследователи-античники связывают данный процесс с истощением запасов серебряных рудников).

Реализация принципов Вашингтонского консенсуса представляет собой вызов для всей мирохозяйственной системы. Многими аналитиками отмечается высокая энтропийность заложенной Кингстонским соглашением о плавающих курсах валют современной экономической модели. Еще в 1971 г. Л. Ларуш предостерегал, что попытки отказа от Бреттон-Вудской системы и отрыв валют от золотого эквивалента может привести к неконтролируемому росту фиктивного капитала, который в конечном итоге способен похоронить под собой реальные экономические секторы («физическую экономику»)³¹.

Вопрос о том, состоится ли в ближайшей перспективе крах американского доллара составляет на данный момент едва ли не главный предмет мировой экономической рефлексии. О том, что падение курса доллара обернется катастрофой для экономики всего мира, не приходится говорить. До сих пор доллар остается ведущей мировой резервной валютой.

³¹ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997; Ларуш Л. Место России в мировой истории // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 8. М., 1998; Ларуш Л. О сущности стратегического метода // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9. М., 2000; Ларуш Л. О духе российской науки // Экология — XXI век. — 2003. Т. 3, № 1/2. С. 169–178; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // <www.zavtra.ru>.

Именно в долларах, как известно, хранится, к примеру, около половины запасов Стабилизационного фонда РФ. При обрушении долларového курса упадет соответственно и стоимость российских активов. «Долларовая система, — пророчесствует Л. Ларуш, — напоминает большой пузырь, который вот-вот лопнет. Если иглой тронуть такой «шарик», то произойдет взрыв страшной разрушительной силы... Таким образом, мы живем во времени, когда волевой или даже волюнтаристский элемент в истории играет ключевую роль. Проблема усложняется тем, что все правительства Европы... (все до одного) являются неуправляемыми государствами»³².

Фиктивная экономика отражает также тенденцию нравственной деградации. Модерн попытался упразднить вышеупомянутую заповедь о труде, адресуемую Богом Адаму и его потомкам. Снимается религиозный запрет со спекулятивной деятельности. На почве виртуализации экономики формируется феномен трудовой имитации. Причем, именно страны-имитаторы оказались в современном мире наиболее преуспевающими в социально-материальном плане. Нет сомнения в том, что существование фантома имеет временные ограничители.

Иллюзии «сервисного общества»

Лейтмотив многих сценарных прогнозов составляет предсказание, что китайская экономика обгонит в ближайшее десятилетие американскую (рис. 10). В действительности, она ее уже обогнала. 83% в структуре валового продукта в США составляют услуги — сектор условного производства, фиктивного капитала и фантомных величин. При обоюдном вычете ВВП, связанного со сферой сервиса, Китай окажется

---

³² Американский экономический гуру предрек кризис в США // <www.km.ru>.

выше в мировой экономической иерархии, нежели Соединенные Штаты³³.

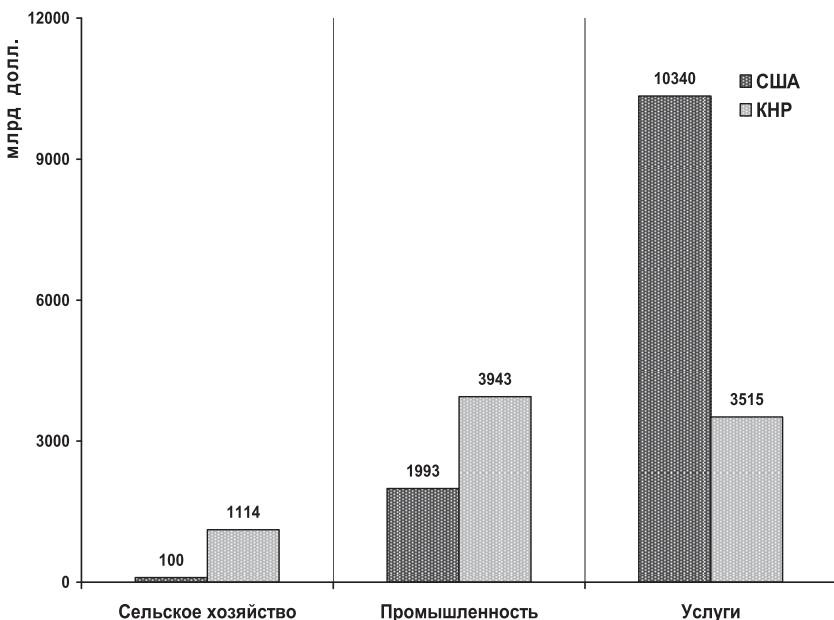

Рис 10. Сравнение ВВП США и КНР по отраслям производства, в млрд долл.

При кажущейся экономической мощи современный Запад, в случае оказания ему серьезного геополитического противодействия, будет крайне уязвим. «Сервисная революция» явилась прямым следствием «деиндустриализации» западной экономики, перемещения товарного производства в страны третьего мира. При реализации сценария глобального политического потрясения, актуализации противоречий «постиндустриального общества» с реальными производителями материальных благ сложившаяся система междуна-

³³ Мировая экономика: прогноз до 2020 года // Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007. С. 426–427.

родного разделения труда грозит для сервисного Запада, оставшегося без собственной промышленной базы, тотальным крахом³⁴.

Спецификой современного развития мировой экономики является перенос инфраструктур производящего хозяйства в «третий мир». Существующий уровень заработной платы азиатских и латиноамериканских рабочих делает более выгодным размещение индустриального производства в Азии или Латинской Америке, нежели в Северной Америке или Европе. Издержки, посредством сэкономленной части оплаты труда, оказываются при таком перемещении существенно ниже. В результате, реальное товарное производство на Западе стремительно сокращается, приближаясь в перспективе к нулевой отметке. Парадигма современной экспортной реструктуризации промышленности не распространяется лишь на уникальные технологии, как, например, на производимую по-прежнему в географических пределах США американскую аэрокосмическую продукцию. Стандартные же, не составляющие эксклюзив конвейерного производства товары более выгодно производить не в Нью-Йорке, а, скажем, в Куала-Лумпуре, где и осуществляется в настоящее время выпуск едва ли не половины реализуемых на мировом рынке микросхем. Высвобождаемые из сферы товарного производства западные индустриальные рабочие переквалифицируются в работников непроемственных отраслей. Вместо американца, переквалифицировавшегося в брокера, у конвейерного станка встает малаец. Высокий уровень развития сервиса на Западе основывается, таким образом, на эксплуатации всего мира. Но это же является фактором, способным обратить западную цивилизацию в состояние турбулентности³⁵.

---

³⁴ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.

³⁵ Мировая экономика: прогноз до 2020 года // Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007. С. 426–427.

Социально поляризованное мироустройство

Действовавшая в архаическом обществе традиция солидаризма препятствовала осуществлению социальной дифференциации в рамках одной страты. Такая дифференцированность имела место при межсословном сопоставлении. Однако она далеко не всегда имела материальное выражение. Брахман был более беден, чем кшатрий, а рыцарь более беден, чем буржуа, хотя по социальному статусу они и находились ступенькой выше. Богатство не являлось измерителем статусности.

Модерн универсализировал материальный критерий успешности. Модернизационный процесс сопровождался резкой имущественной поляризацией. Именно этот вызов определял К. Маркс в качестве основного конфликта капитализма, видя в нем основания утверждать о неизбежности (при достижении предела «дифференциации») пролетарской революции. Социал-демократическая бернштейнианская ревизия несколько нивелировала пафос марксистской критики³⁶. При капитализме, утверждал Э. Бернштейн, во-первых, обогащается все общество; а, во-вторых, посредством механизма конкуренции периодически происходит ротация состава наиболее преуспевающей группы населения; и, в-третьих, расширяя масштабы социальной помощи демократическое государство разрешает имеющиеся классовые противоречия³⁷.

Действительно, при оперировании ареалом западной цивилизации тренд социальной поляризации не будет представляться очевидным. Для того чтобы убедиться в его существовании, достаточно увеличить масштаб. Социаль-

---

³⁶ Марксизм: pro и contra. М. 1992; Федоров И.А. Идея социального преобразования. Критическая интерпретация марксистской парадигмы. СПб., 1993.

³⁷ Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., 1991; Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901; Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. М., 1990.

ное расслоение на современном этапе — это уже не столько дифференциация граждан внутри одного общества, сколько противоречие в материальном положении между различными нациями. На одном полюсе социальности пребывает «золотой миллиард», на другом — остальное полупериферийное и периферийное человечество. Разрыв между ними год от года возрастает. На приводимом ниже графике представлена динамика диапазона социальной дифференциации мира за последние четверть столетия (рис. 11). Измеряемый показатель рассчитывался как разница в доходах на душу населения по ВВП стран занимающих первое и последнее (151-е) место в мировой ранжировке по этому показателю. Данные позиции в течение рассматриваемого периода занимали, соответственно, Люксембург и Заир. За 25 лет разрыв между ними возрос в два с половиной раза³⁸.

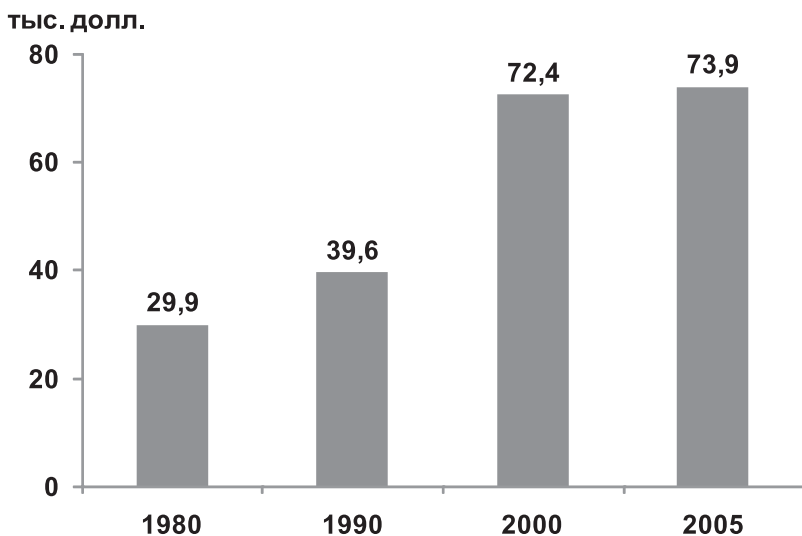

Рис. 11. Динамика диапазона социальной дифференциации мира (в тыс. долл.)

³⁸ Мировая экономика: прогноз до 2020 года // Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007. С. 412.

Социальный кризис развитых стран мира налицо. Так что марксистские пророчества в отношении грядущей гибели капитализма не утратили своей актуальности.

Диспаритетная модель современного мироустройства может иметь для мира катастрофические последствия. США предстает пред взором человечества как аккумулярованное воплощение социального паразитизма. Составляя лишь 5% населения земного шара, американская нация использует 40% мировых общечеловеческих ресурсов. Каждый американец потребляет сегодня столько же, сколько восемь граждан других государств, а по странам, не относящимся к золотому миллиарду, — даже 12 человек. Причем, речь идет, в том числе, и о чисто физическом потреблении пищевой продукции. Так, к примеру, мяса и мясопродуктов идет на одного американца столько же, сколько на шестерых грузин (при всей любви жителей Грузии к США)³⁹.

Взрывным детонатором в данном случае может стать международная миграция. Именно иммигрант представляет в настоящее время авангард революционных сил, способных подорвать изнутри систему западного социального благополучия.

Новое переселение народов

Иммиграционная волна, захлестнувшая современный западный мир, соотносится с его космополитизацией. Иммигрант особо легко встраивается в глобализационную модель мироустройства, определенную Ж. Аттали под маркером «общество новых кочевников». Зачастую в современной печати используется афоризм о безнациональной «нации мигрантов». Ее размеры оцениваются численностью в 175 млн человек. Это в три раза больше, нежели включала населения в свой состав мировая миграционная популяция в 1950-е гг.

---

³⁹ Россия и страны мира. 2006: Стат. сб. М., 2006. С. 116.

В совокупности с эпизодической маятниковой миграцией, а также международным туризмом, она составляет 45,4 млн человек против 69 млн в 1960 г. Учитывая же вариативность статистики нелегалов, ее общая величина и вовсе измеряется числом в 600–700 млн человек. Футурологи говорят о «новом переселении народов», эпатируя западного обывателя реанимацией картин гибели Римской империи от орд варваров. Для России, вышедшей в настоящее время на третье место в мире по привлечению иммигрантов после США и Германии, оценка миграционного компонента демографии особенно актуальна⁴⁰.

В свете выявления мировых миграционных трендов концепт С. Хантингтона о «цивилизационных войнах» нуждается в некоторой корректировке. Цивилизации утратили в последнее время аспект географической локализации. Представители различных цивилизационных систем проживают ныне на одной территории, будучи в правовом отношении в равной степени защищенными государством. Конструируется особая среда конфликта цивилизации, где демография выступает едва ли не основным полем соперничества. Ввиду интенсификации миграционной динамики происходит ползучая исламизация Европы. Репродуктивный потенциал иммигрантов-мусульман не идет ни в какое сравнение с уровнем рождаемости европейских резидентов. Ислам, констатируют некоторые современные авторы, взял исторический реванш у христианского мира за поражение у Пуатье. Все вышесказанное относится в равной мере и к России, для которой миграционная волна магрибского ислама замещена ее среднеазиатским экстремистским аналогом⁴¹.

Специфика современной экономической модели мира предопределила генезис феномена «нового переселения на-

---

⁴⁰ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 298–307.

⁴¹ Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство. М., 2004. С. 28; Мяло К. Россия и последние войны XX века. М., 2002.

родов». Запад сам пробудил и вызвал на себя силы мировой миграции. Сработал маятниковый механизм хода исторического процесса. Иммиграция на Запад явилась следствием осуществляемого несколько столетий западного колониационного наступления на Восток. Характерно, что основной иммиграционный поток направлен из бывших колоний и полукolonий в свои прежние метрополии. Российская иммиграция не является в этом отношении каким-то исключением. Прямым следствием колонизации стало появление значительного слоя людей, находящегося в промежуточном состоянии между колониальным и общинно-племенным миром. Сохраняя черты традиционной ментальности, они уже ориентированы на западные материальные стандарты качества жизни. Эти люди и составили основу иммиграционного потока на Запад. Массовая иммиграция предопределена колоссальными диспропорциями в уровне материального обеспечения различных стран современного мира, наличием богатых и бедных популяций при декларируемом формальном равенстве. Пять из шести человек современного мира обитают в малопригодных для жизни условиях. 820 млн человек на планете страдают от голода. При этом разрыв в материальном обеспечении полюсов богатства и бедности (20% самых богатых и 20% самых бедных стран) только возрастает. Если еще в 1960-е гг. он измерялся тридцатикратным отставанием последних, то в 1990-е гг. — уже шестидесятикратным. Личностный выход для многих из представителей третьего мира представляется в этой ситуации более чем очевидным — переселение в страны материального благоденствия⁴².

Единственным для Запада адекватным ответом на вызов «нового переселения народов» является возвращение к собственным цивилизационным основаниям. Вместе с тем, национальная ретрадиционализация находится в прямом противоречии с общим вектором глобализационного процесса. Инициировавший развитие глобализма Запад сам оказался

⁴² Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. С. 12–14.

его заложником. «Новое переселение народов» есть в этом смысле один из узловых моментов, определяющий характер грядущего мироустройства.

Однополярность и угроза самоистребления

Традиционное общество испытало за свою историю многочисленные кровавые войны. Однако ни один из великих завоевателей прошлого не обладал возможностью уничтожения человечества. Такой возможностью ныне обладает президент Соединенных Штатов Америки.

Модернизм последовательно расширял масштабность военных воздействий. Одним из факторов разрушения традиционного общества явилось, как известно, изобретение пороха. Буржуа, использующий огнестрельное оружие, восторжествовал над рыцарем. Дворянское воинское искусство утратило свою актуальность⁴³. Ту же трагедию несколько позже пережило самурайское сословие в Японии. Рыцарский кодекс определял презрительное отношение к луку, как к оружию несоответствующему представлениям о воинской доблести. Буржуа был лишен такого рода предрассудков. Численность потерь от войны к войне росла в геометрической прогрессии. Создание атомной бомбы подвело человечество к той черте, за которой обозначалась перспектива его уничтожения. И эта черта могла быть пересечена еще шесть десятилетий тому назад⁴⁴.

Сейчас достоверно известно (информация эта содержится даже в школьных учебниках) о планировании США нанесения ядерного удара по территории Советского Союза. Устанавливались определенные даты, намечались цели. Нет сомнений, что этот удар и был бы нанесен, не сумей СССР

⁴³ Карман У. История огнестрельного оружия. С древнейших времен до начала XX века. М., 2006.

⁴⁴ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы, М., 1960.

достичь в кратчайший исторический интервал, ценой невероятных усилий ядерного паритета. Баланс сил явился на некоторое время фактором сдерживания от применения оружия массового поражения⁴⁵.

Распад СССР и утрата РФ паритетности военных потенциалов объективно имели для перспектив выживания человечества крайне негативные последствия. У оставшейся в единственном числе сверхдержавы усиливается соблазн организации мировой системы силового диктата. Уже сейчас в качестве определяющего принципа американской внешней политики вынесена стратегия военного шантажа. Противоречия американскому миропониманию устраняются — как это было с Югославией или Ираком — посредством применения силы. Но если для принуждения Ирака к формату очерченного США курса было достаточно обычных средств вооружения, то при столкновении с Россией или Китаем в ход может быть пущено и ядерное оружие. Уповать на здравомыслие американских политиков в данном случае не приходится. Да и являться заложником этого здравомыслия (или его отсутствия) для всего человечества есть, по меньшей мере, смертельный риск.

И история, и современное развитие США указывают на существование милитаризационных трендов. При рассмотрении частоты участия американских ВС за последние столетия в различного рода вооруженных конфликтах прослеживается исторический вектор ее возрастания. Агрессор вошел во вкус. Но остановить его кому бы то ни было в современном мире не представляется возможным. Страновое сопоставление расходов на оборону указывает, что задача сдерживания США может быть решена лишь совместными усилиями остальных государств (рис. 12)⁴⁶.

---

⁴⁵ *Безыменский Л.А.* Кто развязал «холодную войну»... (Свидетельствуют документы) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 109–121.

⁴⁶ *Грачева Т.* Мифы патриотов. Б.г., б.м. С. 258.

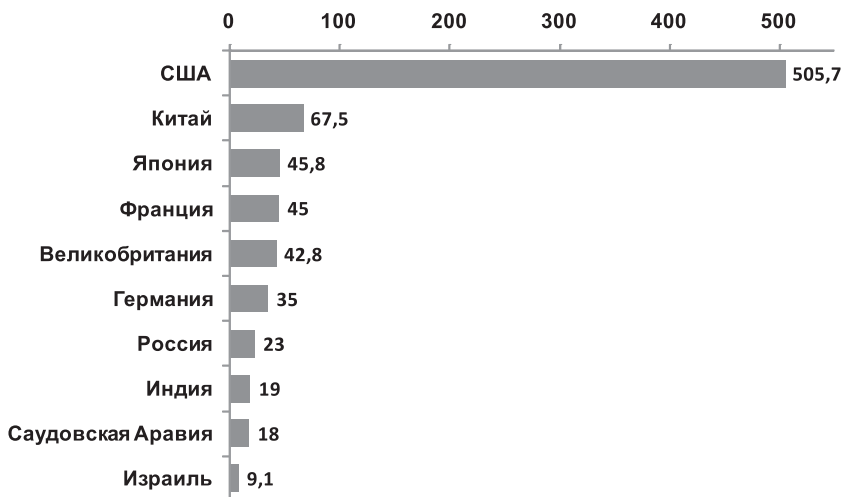

Рис. 12. Расходы на оборону ряда стран современного мира (в млрд долл.) (2005 г.)

В теории сравнительного менеджмента уже довольно давно обосновано различие национальных культур по параметру толерантности в отношении к параметру риска (рис. 13). Различаются на этой основе рациональный (агрессивный) и консервативный стили принятия решений. Американцы, по всем индикативным расчетам, наиболее предрасположены к риску⁴⁷. Будучи безусловным благом для сферы инноватики, данная черта национального менталитета может обернуться роковыми последствиями в области международных отношений. Целесообразно ли отводить роль мирового предводительства субъекту, чье поведение могло бы быть охарактеризовано в качестве агрессивной девиации? Готов ли мир рисковать собой, участвуя в американских геополитических

⁴⁷ Bass B.M., Burger P. Assessment of Managers: An International Comparison. N-Y, 1979; Сравнительный менеджмент / Под ред. С.Э. Пивоварова. СПб., 2006. С. 72–73.

играх? На кону этой игры сегодня стоит не меньше, чем само существование человечества.

Рис. 13. Средняя толерантность по отношению к риску

Угроза депопуляции

Теоретики мальтузианства в качестве главной угрозы для человечества рассматривали проблему перенаселения⁴⁸. Мальтузианская критика адресовалась, прежде всего, ориентированному на высокую детность традиционному обществу. На этой основе выстраивалась рецептура планирования семьи. Разрушая парадигму многодетности, программы такого рода использовались как целенаправленный инструмент дестрадиционализации. Глобальные сценарные концепты сдерживания рождаемости в мире (главным образом в странах периферии) разрабатывались аналитиками Римского клуба⁴⁹. Голод, гражданские войны и другие социальные катаклизмы,

⁴⁸ Попов А.Я. Современное мальтузианство. М. 1960.

⁴⁹ Медоус Д.Х., Медоус Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. М.: Пангея, 1994.

действительно, не раз проявляли себя как прямое следствие популяционного субъекта.

Однако ни одна цивилизация от перенаселения не погибла. Вместе с тем, истории известны примеры цивилизационной гибели, связанной — в качестве одной из факторных составляющих — с динамикой депопуляции. В связанном с падением репродуктивного потенциала населения режиме естественной убыли населения функционировали на пике своего существования — доарийская дравидская Индия, пострамзесовский Египет Нового царства, Крито-микенское культурное сообщество, поздняя Римская империя, поздняя Византия, цивилизация майя. Периоды репродуктивных упадков отмечались и в доиндустриальной истории современных европейских народов. Депопуляцией была охвачена, в частности, значительная часть стран Западной Европы в XVII в. Причем, не только Германия, на демографические процессы в которой существенное воздействие, по-видимому, оказала Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), но и государства, не испытавшие за этот период военных опустошений, — такие как Испания — имели отрицательный показатель прироста населения. Если в 1660 г. численность испанцев составляла 8 млн человек, то в 1703 г. — 7,3 млн⁵⁰. При этом экономическое развитие Европы шло с возрастающей динамикой. Материальное положение населения в целом улучшалось, а рождаемость падала. Вместе с тем, не экономика, а мировоззренческий ценностный кризис XVII столетия, отражавший смену европейской цивилизационной парадигмы, определял в данном случае вековой демографический тренд.

В противоречии с мальтузианской рефлексией об угрозах перенаселения модернизм актуализировал прямо противоположное содержание демографических вызовов. Неомальтузианство выступало в данном случае своеобразной ширмой, скрывающей тот факт, что угрозы для человечества связаны не с традиционалистскими рудиментами, а модер-

⁵⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 47.

нистскими инновациями. Снижающийся вектор естественного воспроизводства населения в наиболее модернистски продвинутых странах обозначил реальную перспективу пресечения человеческого рода.

До настоящего времени население земного шара неуклонно возрастало. Но высшая точка на линии демографического восхождения в скором времени уже будет достигнута. Снижающиеся показатели суммарного коэффициента рождаемости по большинству стран современного мира указывают, что модернистская инверсия в сфере демографии состоялась. Уже сейчас насчитывается около 60 стран (т. е. более чем треть современного мира), где уровень рождаемости не обеспечивает простого воспроизводства населения.

Снижающаяся репродуктивность, при повышающейся продолжительности жизни, обусловили феномен старения наций Запада. Среднестатистический немец сегодня старше среднестатистического афганца более чем в 2,5 раза. Пока еще по странам Евросоюза средний возраст по медиане составляет 40,6 лет. Преобладает, таким образом, категория экономически активного работающего населения, являясь, по-видимому, одним из неучтенных факторов конкурентной успешности западной экономики. Для сравнения, у большинства развивающихся стран средняя возрастная шкала соответствует уровню студенческой молодежи. Но недалек тот день, когда среднестатистический житель Запада окажется пенсионером. Кто же будет тогда обеспечивать существование западных стариков? Согласно ли население современной периферии взять на себя эту неблагодарную миссию⁵¹?

Разрушение семьи

Деструктивные последствия для общества в целом имела модернизация семьи. Традиционный тип семейных отноше-

⁵¹ Мир в цифрах — 2007. Карманный справочник. М., 2007. С. 239–243.

ний был ориентирован на продолжение рода. Данному ориентиру приносилось в жертву индивидуальное бытие членов семьи. Действовал иерархический принцип семейной организации. Преобладающим типом семейственности являлась большая патриархальная трехпоколенная семья. Трехпоколенность выражала механизм имплементации традиции, закрепляющей преемство от дедов к внукам.

Модернизм деиерархизировал семью. Лишившись соответствующей основы на уровне семейных отношений, прежнюю традиционалистскую иерархичность утратили государство и общество. На место большой патриархальной семьи пришла моногамная нуклеарная семья. Вместе с разрушением традиций разрушалась трехпоколенность семейной организации. Легализуется процедура разводов. Если брак заключается не путем небесного предопределения, а гражданским согласием сторон, он — сообразно с этой логикой — легко может быть расторгнут. Дети перестают быть главной целевой установкой заключаемого брачного союза (рис. 14)⁵².

**Традиционалистская
патриархальная
семья**

**Модернистская
нуклеарная
семья**

**Проминскуитет
брачных
отношений**

Рис. 14. Смена парадигм семейных отношений

Постмодерн по существу подвел все основания под идею ликвидации института семьи. Уже сейчас в особо продвину-

⁵² Грачева Т. Мифы патриотов. Б.г., б.м.

нутых в модернизации семьи скандинавских странах большинство детей рождаются вне брака. Да и сами дети все в большей степени перестают быть целью брачных отношений и оказываются бременем. Отношения полов окончательно десакрализуются и сводятся до уровня биологической инстинктивности⁵³. Традиционные гендерные роли мужчины и женщины стираются, будучи замененными абстрагированной от половых различий моделью человека. Сексуальные отношения полов становятся все менее связанными с процессом детопроизводства. Показательно, к примеру, что в современной России на десять новорожденных приходится 13 совершенных абортов⁵⁴.

Иллюзия господства над природой: экологический дисбаланс

Эволюцию ценностных платформ восприятия природной среды удалось в свое время проследить итальянскому философу Романо Гвардини⁵⁵. Для традиционных сообществ было имманентно присуще адаптационное отношение к природе. Магическое мышление обуславливало средовую сакрализацию. Сам человек репрезентовался не как субъект отношений к природе, а один из компонентов природного комплекса. Субъект-объектная модель репрезентации складывается значительно позже, будучи актуализированной лишь в новое время.

Контекст модернизационной эпохи выражал императив героя И.С. Тургенева — «Природа не храм, но мастерская». Индустриальный период развития соотносился с типом человека-преобразователя. Даже введенное в 1866 г. Э. Гекке-

---

⁵³ Ульянов Н.И. Шестая печать // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. № 4.

⁵⁴ Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. М., 2006. С. 288.

⁵⁵ Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.

лем в научный оборот понятие «экология» раскрывалось в ракурсе экономики природы⁵⁶.

Казалось бы, в постиндустриальную эпоху отношение к природе, в связи с культивированием здорового образа жизни, принципиально изменилось. Но, в действительности, природная среда по-прежнему воспринимается современным человеком в духе потребительства. Изменения заключались в расширении потребительского спектра. Экологичность сама приобрела в условиях постиндустриализма маркировку одного из потребляемых благ. Возникло даже понятие «экологический сервис». Однако изменить принципиально ситуацию с экологией в целом не удастся. Три четверти природных ресурсов, потребленных человеком за все время его существования, было израсходовано в последние 20 лет, т. е. время, определяемое в качестве постиндустриальной эпохи.

Сценарные варианты гибели человечества, как следствие нарушения баланса отношений человека с природой, могут быть весьма вариативны. Один из таких сценариев — появление в результате различного рода биомодификаций, форм вирусов, способных погубить все человечество. Вероятность такой гибели при современном мироустройстве демонстрирует феномен распространения вируса иммунодефицита. По сей день проблема сдерживания его распространения не решена. Ряд стран Африканского континента, где СПИДом больны от 1/5 до 1/3 и более населения, уже, по сути, приговорены. О локализации пораженных социумов в условиях глобализации не может быть и речи⁵⁷.

Гибельные последствия для человечества может иметь развитие генной инженерии. Предсказывается, что вмешательство человека в геноструктуру способно обернуться

---

⁵⁶ Геккель Э. Естественная история миротворения. СПб., 1914. В 2 т.; Степашкин М.А. Русская идея и экологизация — против Глобализма. М., 2005. С. 75.

⁵⁷ Мир в цифрах — 2007. Карманный справочник. М., 2007. С. 73.

полным разрушением ДНК и, соответственно, гибелью всего живого. Казавшееся когда-то панацеей от голода создание генетически модифицированных пищевых продуктов может обернуться на поверку биохимической катастрофой. Прямую угрозу для человечества в этой связи представляет процесс макдональдизации мира. Человеческий род, таким образом, может прекратить существование в результате происходящей на геномном уровне мутации.

Из возможных губительных последствий разбалансировки отношений человека с природой ранее всего заговорили о загрязнении окружающей среды. Своим символом модернизма стал образ Лондона — с характерными и даже воспринимаемыми в качестве национальной особенности густыми желтыми туманами. К середине XX столетия видимость в британской столице снизилась до фута. Отнюдь не сразу было установлено искусственное происхождение лондонской повышенной затуманенности, являющейся следствием промышленного загрязнения атмосферы.

Деиндустриализация и усиление экологического контроля позволили достичь в последние годы снижения масштабов промышленных выбросов и, казалось бы, переломить опасный для человечества тренд ухудшения среды его обитания. Однако экологами предсказывается возможность актуализации катастрофического сценария ввиду расходования гидроксидов, выступающих в качестве окислителя веществ-загрязнителей. Гидроксильную панику вызвало обнаружение еще в середине 1980-х гг. того факта, что с 1950-го по 1985 гг. падение уровня данных реактивов составило 25%. По некоторым прогнозам, к 2040 г. количество производимых гидроксидов минимизируется настолько, что они будут быстро поглощаться образуемыми загрязнениями. «Если это произойдет, — предсказывают экологи развитие ситуации на два ближайших десятилетия, — огромные столбы дыма, выбрасываемого заводами, распространят смог над планетой, и не будет ничего, что могло бы расчистить небо. Япония полно-

стью исчезнет под облаками сернистого газа, выбрасываемого заводами Китая, а голубые небеса южно-тихоокеанского региона станут коричневыми. Астма станет убийцей номер один в мире, а затем уступит место угарным газам. Загрязненный воздух и кислотный дождь погубят урожай и приведут к всеобщему голоду. Мертвые деревья или будут гнить, выделяя метан, или сгорят, выбросив в атмосферу углекислый газ. А и тот и другой газы весьма активны в создании «парникового эффекта». Частичное сгорание также приведет к выбросу угарного газа. Леса, которые были посажены чтобы поглощать углекислый газ и спасти мир от глобального потепления, погибнут и вернут углерод в той или иной форме в атмосферу. По мере того как воздух станет непригодным для дыхания, температура будет расти, приводя к засухе, голоду и более частым лесным пожарам. Видимость упадет до уровня, когда путешествие самолетом станет небезопасным, и если это не остановить, весь мир получит возможность испытать то, что испытывали лондонцы, дышавшие смогом в викторианские времена»⁵⁸.

Машины выходят из под контроля

Согласно китайскому преданию, одному мудрецу, жившему сообразно с конфуцианской традицией, некий европейский путешественник предложил использование механизма, посредством которого облегчались бы тяжелые усилия подъема воды из колодца. Китаец отказался, сославшись на то, что механизация труда механизует самого человека. Созданная человечеством «вторая природа» оставалась в эпоху традиционного общества все же второй, не переходя очерченного оптимума хозяйствования.

---

⁵⁸ 50 версий гибели человечества: 50 фактов, способных изменить наш мир. Мн., 2006. С. 151.

Машина, изменяя образ существования человека, модифицировала саму его биологическую природу. Масштабность этих антропогенных модификаций пока еще недостаточно оценена. Модернизм создал иллюзию освобождения человека от условий природной среды, но онтологически его отнюдь не освободил. Один тип зависимости сменялся другим. По мере технического прогресса человечество все более оказывалось в зависимом положении от созданных им же самим машинных конструкций. Развитие интернет-технологий сделало эту зависимость фактически абсолютной.

Функционирование высокоразвитых государств современного мира определяется уже не самим человеком, а компьютером. От качества программного обеспечения целиком зависит деятельность систем национальной безопасности, включая управление ядерным оружием. Достаточно, таким образом, одного сбоя программ и мир полетит в тартарары. Человечество может быть погублено тривиальным компьютерным вирусом!

Современный человек не способен к автономному существованию. Отключи электро- и водоснабжение — и впору говорить о гуманитарной катастрофе. Но человечество ведь тысячелетиями существовало без услуг подобного рода. Следовательно, способности человеческого рода к обеспечению самовывживания за эпоху модернизма оказались предельно атрофированными.

***

Итак, гибель человечества, при дальнейшем его движении по очерченному модерном фарватеру развития, предопределена. Спасение по каждому из обозначенных направлений угроз видится в восстановлении значения Традиций. Конечно, снятие жестких традиционалистских норм привело на первых порах к раскрытию нереализованных человеческих

потенциалов, взлету креативности. Однако лишение каркаса традиций вызвало к жизни энтропийные процессы. На эту угрозу обращал внимание еще «жневский папа» Жан Кальвин: «Плохо живется при князе, все запрещающем, но много хуже — при князе, все дозволяющем»⁵⁹.

Однако восстановить традиции в формате заветов и табу традиционного общества не представляется возможным. Да это и бесперспективно с точки зрения стратегии развития. Речь может идти о синтезе традиционализма и модернизма. При этом именно Традиция должна составлять ядро новой системы, служить ее базовым принципом. Развитие будет, таким образом, осуществляться не в противоречии с традиционными ценностными ориентирами, а на их основе. Данное положение явится залогом того, что вектор развития не будет направлен против самого человека и его высших ценностей, как это имело место быть в эпоху модернизации (рис. 15).

Рис. 15. Исторические парадигмы развития

⁵⁹ Колсон Ч., Вон Э. Конфликт царств. М., 1996. С. 229.

Абсолютизированный и доведенный до своего логического предела модернизм трансформировался в постмодерн. Оба этих состояния есть две фазы единого модернизационного процесса. Несмотря на общее генетическое основание, в настоящее время они выступают в качестве антагонизменных принципов. Стратегия успеха в борьбе с постмодернистской угрозой видится в союзе модернизма и традиционализма. Теория синергичного традиционалистско-модернистского строя может стать идеологической платформой такого альянса.